

Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий

Борис Илюшин

Kazan campaign of 1506: analysis of preparations and combat actions

Boris Iliushin

(Humanities Research Laboratory, Novosibirsk State University, Russia)

DOI: 10.7868/S0869568718030093

Казанский поход 1506 г. известен российским историкам давно, но они большей частью не вникали в его военные подробности, сосредоточиваясь в основном на вопросах политических. Н.М. Карамзин ограничился кратким пересказом летописных известий¹; С.М. Соловьёв уделил походу ещё меньше внимания, пересказав в основном сообщения Никоновской летописи². М.Г. Худяков в исследовании по истории Казанского ханства рассмотрел эту войну подробнее, отметив, что русские оказались к ней не готовы, а командование 16-летнего князя Дмитрия Ивановича было номинальным (фактическое руководство осуществляли кн. Ф.И. Бельской и кн. А.В. Ростовский)³, что неверно, так как кн. Дмитрий Жилка родился в 1481 г. и имел опыт руководства войсками в войне с литовцами. В основном советские и российские исследователи характеризовали этот поход, как и всю войну 1505–1507 гг., очень кратко и не всегда точно. Ю.Г. Алексеев в фундаментальной монографии по военной истории и вооружённым силам при Иване III довёл исследование лишь до осени 1505 г.⁴ В.А. Волков в обзорной работе по войнам Московского царства уделил походу 1506 г. менее одной страницы⁵. В книге В.В. Похлёбкина, носящей справочный характер, ей уделено четыре страницы. Однако автор лишь повторил общую канву событий, не анализируя частные вопросы⁶. Между тем поход 1506 г. является вторым и основным этапом московско-казанской войны 1505–1507 гг., ставшей рубежом в отношениях между двумя государствами и предварившей десятилетия острой конфронтации, окончившейся падением Казани. В данной статье анализируется это военно-историческое событие и его аспекты, такие как подготовка похода, воеводский корпус, численность русских полков, стратегия, продвижение к цели, действия под Казанью и отступление.

© 2018 г. Б.А. Илюшин

Статья подготовлена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII. СПб., 1819. С. 8–11.

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Книга первая. Т. I–V. Т. 5. СПб., 1851. Стб. 1581–1582.

³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 61–69.

⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.

⁵ Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М., 2004. С. 53.

⁶ Похлёбкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2005. С. 95–98.

Не вдаваясь в подробности политической истории и русско-казанских отношений, отмечу, что посаженный Иваном III на казанский трон Мухаммед-Эмин, желая освободиться от жёсткого контроля со стороны Москвы, летом 1505 г. пошёл на конфликт: арестовал русского посла, санкционировал погром русских купцов, а в августе—сентябре 1505 г. ходил с войском на нижегородские земли. Ответ последовал только весной следующего года. К этому времени Иван III умер, власть перешла к Василию III. Пока решался вопрос о будущем престола, время было упущено — заканчивалась осень, а везти к Казани артиллерию нужно было на судах. Поход отложили до весны. Тем временем принял крещение сидевший под арестом сводный брат Мухаммеда-Эмина — Кудайкул, которому, видимо, отводилась роль нового правителя Казани.

Поход начался весной 1506 г.: «Тоя же весны априля послал князь великий Василей Иванович всеа Руси брата своего Дмитрия Ивановича и воеводу своего князя Фёдора Ивановича Бельского и иных воевод своих в судех ратью х Казани на царя Магмет Аминя, а Подем послал на конех х Казани рать же, воеводу своего князя Александра Володимировича Ростовского и иных своих воевод»⁷. Участие в походе судовой и конной ратей отмечено и в документе литовского происхождения⁸. В источниках перечисляются воеводы, но, к сожалению, информации о территориальном составе полков в них нет. Сведения об участии конкретных городских дворянских корпораций могли бы позволить точнее оценить возможную численность войска. Известия летописей и разрядных записей в основном дополняют друг друга.

В первую группировку войск вошла судовая рать во главе с братом великого князя Дмитрием Ивановичем Жилкой. Большой полк возглавлял сам кн. Дмитрий с воеводами Фёдором Ивановичем Бельским, Дмитрием Васильевичем Шеиным, Фёдором Ивановичем Палецким-Большим⁹. Полководческого опыта у кн. Дмитрия Ивановича было немного — в июле 1502 г. он возглавлял русское войско, шедшее на Смоленск. Однако по мнению Ю.Г. Алексеева, его назначение было формальным, а реальное командование осуществлял опытный воевода Яков Захарыч. Тем не менее поход окончился неудачей: Дмитрий жаловался отцу на непослушание воинов, за что многие из них потом были биты кнутом¹⁰.

Ф.И. Бельский участвовал в военных акциях Москвы с 1485 г., в том числе в походе на Казань в 1499 г., а также был одним из воевод полка Правой руки в неудачном походе Дмитрия Жилки на Смоленск в 1502 г.¹¹

Дмитрий Васильевич Шеин имел большой послужной список и опыт общения с татарами. Он бывал в Казани и ходил послом в Крым в 1487 г. Зимой 1495/96 г. во время войны со Швецией возглавлял полк Правой руки. Командовал полком Правой руки и чуть позже, в августе 1496 г. Во время похода к Казани в 1499 г. был воеводой полкалевой руки, принимал активное участие в войне с литовцами и ливонцами (1500—1503), в 1500 г. был одним из воевод резерва, дополнившего войско после битвы на Ведроши, а в 1502 г. командовал полком Правой руки во время похода Дмитрия Жилки на Смоленск¹².

⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 2.

⁸ Сборник князя Оболенского. Вып. 1. М., 1838. С. 44.

⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК 1475—1605). Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 88; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 2.

¹⁰ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426—429.

¹¹ РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 56; Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 278, 427.

¹² РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 56, 62—63; Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 344, 359, 390, 395, 427.

Фёдор Иванович Палецкий-Большой — дядька (воспитатель) будущего Василия III, безуспешно просившего у отца дать тому боярство¹³. Позже он его получил, но ненадолго. Опыта командования он имел мало, однако в 1497 г. с кн. Семёном Холмским ходил в Казань для возведения на престол Абдул-Латифа, был воеводой Сторожевого полка в 1502—1503 гг. Как видим, верховное командование судовой ратью и наиболее крупным Большим полком поручалось в основном воеводам опытным как в ратном деле, так и в казанской политике, а также лицу, близкому к великому князю.

В составе Большого полка числился и наряд (артиллерия), которым командовали воеводы кн. Иван Васильевич Оболенский-Шкурля, Андрей Васильевич Сабуров, Дмитрий Иванович Ралев и Олферий Филиппев (Филиппов). Князь Оболенский-Шкурля впервые в разрядах упоминается именно «по казанским вестям» — в связи с несостоявшимся походом на Казань в 1482 г. Сабуров же ходил к Казани в составе судовой рати в 1499 г.¹⁴

Передовой полк возглавлял кн. Михаил Фёдорович Курбский-Карамыш. В 1500 г. он ходил в Казань с кн. П.С. Лобаном-Ряполовским для защиты ставленника Москвы хана Абдул-Латифа от ногаев. Весной 1501 г. во время русско-литовско-ливонской войны являлся одним из воевод Большого полка в составе рати, ходившей на Литву. Летом 1502 г. Михаил Фёдорович был одним из трёх воевод полка Левой руки, шедшей под командованием кн. Дмитрия Жилки осаждать Смоленск¹⁵. Вторым воеводой в Передовом полку был кн. Давыд Данилович Ярославский-Хромой (воевода кн. Юрия Ивановича). Полк Правой руки возглавлял кн. Фёдор Борисович Волоцкий (в русско-литовско-ливонской войне 1500—1503 гг. был одним из воевод Большого полка¹⁶; участвовал он и в неудачном походе на Смоленск в 1502 г.). В составе Передового полка воеводами были также кн. Михаил Фёдорович Телятевский — боярин и воевода великого князя (в битве на Ведроши командовал Передовым полком; был одним из воевод Сторожевого полка во время неудачного похода на Смоленск в 1502 г.)¹⁷ и кн. Владимир Андреевич Микулинский.

Полком Левой руки командовали кн. Иван Михайлович Репня-Оболенский и Пётр Иванович Житов. Отдельно отмечены рати на Перевоз и на Собну: «А на Перевозе, ниже Казани тридцать вёрст, в судовой рати посланы трое воевод»¹⁸. По другому источнику Перевоз находился в трёх верстах от города, а основная судовая рать первоначально включала Сторожевой полк, воеводы которого и должны были затем пойти на Перевоз, «где конным воеводам возитися»¹⁹. В другой разрядной книге говорится об этих воеводах как о конных²⁰. Предпочтительнее версия с судовой ратью, поскольку достичь Казани по воде было проще и быстрее, и как раз судовая рать могла укрепиться на Перевозе в ожидании конной рати кн. Ростовского.

Сторожевой полк, выдвинутый на Перевоз, возглавляли кн. Иван Иванович Щетина Стригин-Оболенский, Фёдор Юрьевич Кутузов-Щука и кн. Фёдор

¹³ Экземплярский А.В. Палицкие, князья // Русский биографический словарь. Т. 13. СПб., 1902. С. 145.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 2; РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 56, 88; Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 270.

¹⁵ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 395—397, 427.

¹⁶ РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 57, 89.

¹⁷ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 388, 427.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 2, 3.

¹⁹ РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 89.

²⁰ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 34.

Петрович Сицкий-Кривой. В разрядной книге 1475–1605 гг. отмечено, что «выше Козани стояли против Собны государевы воеводы князь Федор Петрович Сицкой да Иван Ондреевич Жулебин-Большой»²¹. Почему тут повторяется имя воеводы кн. Сицкого неясно, ведь ему следовало быть на Перевозе ниже Казани. Можно предположить, что всё же Сицкой не пошёл на Перевоз, а остался выше по Волге — с И.А. Жулебиным.

Обособленную группу войск составили рати, отправленные на Каму с кн. Семёном Фёдоровичем Курбским, в 1499–1500 гг. возглавлявшим поход на Югорскую землю и вогулов (манси). Поход был успешным, и можно думать, что кн. Семён Фёдорович имел опыт руководства судовой ратью в условиях лесистого северо-востока. К тому же его отец в 1483 г. находился в числе воевод, командовавших аналогичным походом на Югру и за Урал²², поэтому Семён Фёдорович наверняка хорошо знал о «хитростях» подобного предприятия. Вместе с ним действовали воеводы кн. Александр Фёдорович Оленка-Ярославский, Иван Вельяминов сын Брех, кн. Иван Семёнович Голенище-Андомский. Поместное землевладение на севере не получило широкого распространения²³, поэтому можно предположить, что в рати вместе с Иваном Андомским участвовали его дворяне и ополчение из местных жителей.

Точно определить цель посылки рати кн. С.Ф. Курбского на Каму трудно, тем более что сведений о её дальнейшей деятельности не сохранилось. Возможно, как и в 1469 г., в её задачу входило нанесение скользящего удара по северным и восточным областям ханства и, вероятно, удар по Казани с «тыла». Вятская земля тогда ещё сохраняла остатки самостоятельности, и вятчане отказались участвовать в походе, а в их земле оказался татарский посол, сообщивший в Казань о походе. Это лишило судовую рать возможности прийти в ханские земли «безвестно»²⁴. В 1506 г. же можно было ожидать большего успеха.

Вторая по численности группировка — конная рать кн. Александра Владимировича Ростовского (воевода великого князя). Помимо него в Большом полку значились воеводами Михаил Елизаров сын Гусев-Хобаров (воевода кн. Юрия Ивановича), Василий Алексеев сын Давидов (воевода кн. Дмитрия Жилки), кн. Григорий Мещерский (Мезецкий?) — воевода кн. Фёдора Борисовича Волоцкого. Воеводой Передового полка был кн. Пётр Семёнович Лобан-Ряполовский. В составе этого же полка «безместно» шёл татарский царевич Зеналей и Канбар-мурза с частью городецких (касимовских) татар. Полком Правой руки командовал кн. Василий Семёнович Мних-Ряполовский, водивший конную рать в Казанском походе 1487 г. Полклевой руки возглавлял кн. Фёдор Семёнович Стрига-Ряполовский, Сторожевой — Федор Иванович Стригин-Оболенский и Андрей Иванович Коробов²⁵.

В качестве резерва и на случай контрудара казанцев в Муром была направлена рать по «малому разряду» (т.е. включающая только три полка). Большой полк и всю рать возглавлял кн. Василий Данилович Холмский (сын участника

²¹ РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 89; ПСРЛ. Т. 13. Ч. I. С. 2–3.

²² Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 274–275, 366–369.

²³ Бархатная книга. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Ч. II. М., 1787. С. 70, 164–165.

²⁴ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 70–71, 77–78.

²⁵ РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 27, 28, 56, 90.

Казанского похода 1487 г.)²⁶; с ним же находился царевич Сатылган (видимо, с другой частью городецких татар). Полком Правой руки командовал кн. Иван Иванович Горбатый, полком Левой руки — Семён Иванович Воронцов. Те же воеводы упоминаются в Муроме за август—сентябрь 1505 г., когда их направили по «казанским вестям»²⁷. Исходя из повторного упоминания рати в Муроме в начале и конце «лета 7014», а также стратегической важности резерва кн. Холмского, я предполагаю, что весной 1506 г. этот резерв стоял именно в Муроме (хотя неоднозначность источников и позволяет трактовать повтор в разрядных записях как ошибку, а реальными считать сведения касательно Мурома лишь за осень 1505 г.).

Итого в ратях, посланных против ханства, насчитывалось 35 русских воевод и двое татарских «царевичей». В основном это были люди с опытом командования, а некоторые из них сами участвовали в походах на Казань ранее. Обращает на себя внимание и назначение командующим рати на Каму воеводы, имевшего опыт судовых походов по северным рекам. Предполагалось участие в походе посошных людей с Двинской земли. В разрядной книге есть помета за 1 июля 1506 г. о том, что собранных ещё с зимы на Двине посошных людей (по человеку с сохи, на двух человек по лошади), добравшихся до Вологды, великий князь от службы отставил²⁸. Не исключено, что посошные люди могли составлять часть ратей, отправленных против Казани, прежде всего судовые.

Численность русских войск до второй половины XVI в. — вопрос, как правило, нерешаемый из-за отсутствия сколько-нибудь точных данных. Участие в походе 35 воевод свидетельствует о большой численности русского войска. Следуя методике А.Н. Лобина, по подсчётам которого на каждого воеводу приходилось по 4—5 сотенных голов, а в состав сотни (возьмём усреднённое число) входили около 150 человек, мы получим усреднённую численность рати в 26 250 человек. Однако, как известно, помещики, если позволяли средства, должны были приводить «послужильцев». Поэтому вслед за В.В. Пенским²⁹ удвоим численность русского войска, которая, в этом случае, должна составить 52 500 человек (опять же условно, поскольку кто-то приводил несколько послужильцев, кто-то — ни одного, а значительную численность войск составляли посошные люди без послужильцев). К ним следует добавить служилых татар — «дворян» двух городецких царевичей. Сведений о численности городецких татар в начале XVI в. у нас нет. Побывавший в 1476 г. в Москве А. Контарини писал о пяти сотнях всадников у «одного татарина» (вероятно, царевича Данияра), жившего на окраине Руси³⁰. Ко времени правления Ивана Грозного относятся сведения о действиях отрядов городецких татар из 500 человек, причём это была не вся корпорация. В Полоцком походе 1563 г. числилось свыше 12 сотен татар сеитова полка и двора Шаха-Али (к тому времени городецкие татары разделились на эти «корпорации») ³¹. Думается, что

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 331.

²⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 36—37.

²⁸ РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 92.

²⁹ Пенской В.В. От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558—1561 гг. Белгород, 2014. С. 30, 67.

³⁰ Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 226; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 116.

³¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб., 2004. С. 39—45.

численность городецких татар в 1506 г. приближалась к тысяче. Общая численность служилых людей, задействованных против Казани в 1506 г., составляла от 22 до 54 тыс. человек (с «послужильцами»).

В судовой рати под командованием 15 воевод могло находиться от 9 тыс. до 11 250 служилых людей (18–22,5 тыс. с «послужильцами»). Четверо воевод Сторожевого полка, стоявшие на Перевозе и «против Собны», могли иметь в своём распоряжении 4,8–6 тыс. человек; такую же численность можно предполагать для камской группировки. В основной конной рати, шедшей на Казань, насчитывалось девять воевод (не считая царевича Зеналея с городецкими татарами), т.е. до 14 тыс. русских и татарских воинов. В резерве в Муроме находились три воеводы и царевич Сатылган с частью городецких татар – в общей сложности до 5 тыс. человек (максимальная цифра предпочтительнее ввиду большой значимости этого резерва для всего похода).

Общий план военных действий вырабатывался на опыте прошлых кампаний, так же как и путь к Казани. Судовая рать должна была спуститься вниз по Волге, высадиться под Казанью и обложить город. Как наиболее многочисленной (до 22,5 тыс. человек), этой группировке предстояло сыграть ключевую роль в войне. Во время похода 1469 г. судовая рать, выйдя из Нижнего Новгорода, достигла Казани за 3–4 дня³². В апреле 1506 г. великий князь направил своего брата с воеводами к Казани, куда они прибыли 22 мая³³. Путь занял не менее 23 дней (скорее всего, больше – около 37, как и в 1487 г.)³⁴, из которых по воде войско шло около 4 дней. Видимо, с походом не очень спешили: готовились обстоятельно, «чинно», иначе рати в Нижний Новгород прибыли бы к самому началу судоходства, а к Казани – ещё в апреле.

Контингенты на Собну и Перевоз (до 6 тыс. человек) были выделены из состава общей судовой рати. Достигнуть целей они могли 22 или 23 мая. В задачу рати кн. И.И. Стриги-Оболенского входило удержание Перевоза – удобного для переправы конницы через Волгу места. Основная задача конной рати кн. А.В. Ростовского (до 13,5 тыс. человек) заключалась в прикрытии осадного контингента под Казанью и отражении ударов казанской конницы. В идеале она должна была подойти к городу одновременно с судовой ратью, но с этим возникли трудности. Путь конной рати пролегал по Горной стороне, т.е. по высокому правому берегу Волги, населённому черемисами. В те времена они испытывали враждебность к русским и участвовали в войнах на стороне Казани. Конная рать выступила, вероятно, из Москвы. В 1487 г. путь конницы от Москвы до Казани занял 37 дней, а от Нижнего Новгорода – 12–15 дней³⁵. В 1506 г. конница кн. Ростовского выступила на Казань ещё в апреле, а достигла цели только 22 июня³⁶. Выходит, что она шла намного дольше, более 53 дней. Трудно сказать, чем это могло быть вызвано: плохой погодой, столкновениями с черемисами или стратегическим просчётом. Однако это стало одним из главных факторов разгрома русских войск под Казанью. Интересно, что по летописи конной рати следовало двигаться Полем³⁷, под которым тогда в основном подразумевались степные районы к югу от Руси. Во время

³² Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 74.

³³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 2.

³⁴ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 289–290.

³⁵ Там же.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3.

³⁷ Там же. С. 2.

последнего похода на Казань рать кн. А.М. Курбского двигалась степью и лесостепью для прикрытия основных царских войск от возможного удара ногаев³⁸. В начале века сохранялись преимущественно мирные отношения Руси с ногаями, хотя после смерти их лидера Мусы и возникли осложнения. Если вспомнить, что какой-то ногайский отряд в 1505 г. участвовал в набеге Мухаммед-Эмина на Нижний Новгород, можно предположить, что выдвижение в Поле должно было внушить опасения ногаям и предостеречь их от помощи Казани. Такой поворот может объяснить значительное время движения конной рати.

Воеводы судовой рати, достигшие города 22 мая, решили тут же начать приступ. Но вышли они из судов «на поле градное с небрежением, вскоре и не осмотряся, и поидоша к городу пеши». «А день тогда бысть жарок добре», — добавляет летописец. Татары атаковали с двух сторон: из Казани и со стороны судов, куда заехала «потаенная» рать. Завязался бой, и, как сетовал летописец, «за грехи наши» побили татары воевод пеших и детей боярских. Многие русские люди были убиты, кто-то утонул в Поганом озере, некоторые попали в плен³⁹. С. Герберштейн сообщает интересную подробность: казанцы пошли на хитрость и заманили врагов в ловушку, понимая невозможность противостоять такому большому воинству. «Они разбили лагерь на виду у врага, тогда как лучшая часть войска была скрыта в месте, удобном для засады. Затем, будто поражённые страхом, они вдруг бросились вон из лагеря и пустились в бегство. Московиты... увидели бегство татар и, позабыв о строе, стремительно ринулись на лагерь неприятеля. Пока они, полагая себя в безопасности, были заняты грабежом лагеря, татары вместе с лучниками-черемисами выступили из засады и устроили такое побоище, что московиты вынуждены были бежать, бросив орудия и пушки»⁴⁰.

Сообщение Герберштейна подтверждается известием Новгородской летописи: «На первом приступе царь побежал, а пометав весь живот, и Москвичи учали грабити, и царь их тут многих побил, а иные в рече истопли»⁴¹. Вероятно, что и сам посол подчерпнул сведения о внезапном ударе по потерявшим бдительность московским полкам засадной рати от русских собеседников. В «Казанском летописце» история о «лести» (хитрости, обмане), с помощью которой Мухаммед-Эмин побил судовую и конную рати, представлена более подробно. Якобы на Арском поле (что находилось к востоку от Казани)⁴² была устроена ярмарка и стояла тысяча шатров. Там находилось много народу, включая приехавших на торги черемисов. Русские, загнав их в город, принялись за грабежи. Когда за два дня войско морально разложилось, по нему ударили татары и черемисы. Произошёл полный разгром⁴³. М.Г. Худяков посчитал, что этот рассказ — плод фантазии автора, который, «помня о том, что вторичное поражение совпало с годовщиной погрома, произведённого во время ярмарки», решил сочинить легенду о победе русских при первом приступе и поражении их при втором (в конце июня)⁴⁴. А.А. Зимин отнёс

³⁸ Курбский А. История о делах великого князя московского // Подгот. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М., 2015. С. 33.

³⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3.

⁴⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 172.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч.1. Вып. 2. Л., 1925. С. 468, 536.

⁴² Захватывая территорию нынешних парка им. М. Горького и Арского кладбища.

⁴³ ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. С. 26–28.

⁴⁴ Худяков М.Г. Указ. соч. С. 64–65.

эпизод с бегством казанцев и последующим контрударом по русским полкам к июньским событиям⁴⁵. Обе точки зрения представляются ошибочными.

Во-первых, даже если совсем не доверять сведениям позднего «Казанского летописца», нельзя отмахнуться от сообщений Герберштейна и Новгородской четвёртой летописи. Они прямо говорят, что русские воины потеряли бдительность, грабя татарские шатры. Во-вторых, скорее всего, этот эпизод относится к первому приступу, совершённом пешей ратью. На данном вопросе следует остановиться поподробнее. «Казанский летописец» описывает события следующим образом: «Егда же воем Руским пришедшим х Казани, и первое дал им Бог победу на Казанцов, потом же — ох, увы нам — разгневаясь на ня Господь, и побеждени быша христьяне от поганых»⁴⁶. При внимательном прочтении становится понятно, что автор подразумевал, скорее всего, бегство казанцев при атаке на ярмарку, а не победу русской судовой рати в конце мая. По-видимому, автор вообще упустил из виду, что Казань была атакована дважды с интервалом в месяц, и все события относил к одному единственному приступу. То же самое подразумевает Новгородская четвёртая летопись, говоря о «первом приступе», когда казанцы побросали «животы». Между тем Никоновская летопись, в отличие от Новгородской, «Казанского летописца» и Герберштейна, повествует о втором приступе к Казани (с конной ратью). Другие источники описывают лишь один эпизод, причём по структуре повествование о нём идентично. Из этого можно сделать вывод, что описываемые Новгородской летописью и Герберштейном события под Казанью, позже легшие в основу рассказа в «Казанском летописце», почти наверняка относятся к концу мая, а не к июню.

Интересно обратить внимание на похожее поведение русского воинства под Смоленском в 1502 г., когда ратью также командовал Дмитрий Жилка. Тогда полки грабили окрестности, но города не взяли и отступили. После похода Дмитрий Иванович жаловался отцу на то, что многие дети боярские его совсем не слушали, и на своё усмотрение подступали к городу, ездили грабить и жечь волости. Отсутствие должного порядка в служилом ополчении, его недисциплинированность и неумение воеводы навести порядок стали одной из причин неудачи похода⁴⁷.

Майские события под Казанью реконструируются следующим образом. Русские воеводы решили взять Казань «изгоном». Они не стали дожидаться конницы для прикрытия пешей рати и наряда, а также пренебрегли разведкой. Вероятно, что на Арском поле действительно была разбита ярмарка (с умыслом или без него), и русские полки, пришедшие пешими и с артиллерией под стены города с Арской стороны, проявили недисциплинированность и кинулись грабить шатры. Часть татарского войска пустилась в притворное бегство. Русские воины потеряли бдительность, и тогда по ним ударил вышедший из Казани отряд, состоявший из конницы и черемисских лучников (сообщение о двух днях пьянства является скорее литературным вымыслом и не подтверждается другими источниками). С тыла, со стороны судов, ударил засадный конный отряд. Началось бегство. Многие русские воины утонули в оз. Кабан, реках Булак и Казанке.

⁴⁵ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 77.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 19. С. 26.

⁴⁷ Алексея Ю.Г. Указ. соч. С. 428–429; ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 214–215.

Гибель главных воевод свидетельствует о масштабе разгрома. Погиб кн. Михаил Фёдорович Курбский-Карамыш, командовавший Передовым полком. Вместе с ним пал и его брат Роман. Был, видимо, тяжело ранен, попал в плен и там скончался один из воевод Большого полка Дмитрий Васильевич Шеин. Типографская летопись упоминает среди погибших воеводу Большого полка кн. Фёдора Ивановича Палецкого. Гибель трёх «больших» воевод подтверждается и сведениями синодика (в котором также отмечены свыше 20 служилых князей и 19 вологодских детей боярских)⁴⁸. Как видим, главный удар и наибольший урон пришёлся на Передовой и Большой полки. «Казанский летописец», кроме того, упоминает Андрея Пенкова, Фёдора Киселёва и «трёх князей Ярославских». Тут автор, судя по всему, ошибся: Фёдор Киселёв, не упоминаемый среди воевод, по данным летописей благополучно ушёл от Казани вместе со служилым «царевичем» Джанаем.

После поражения в Москву отправили гонца: «Месяца июня в 9 день прииде с той вестью к великому князю князь Василей Голенин»⁴⁹. В 1487 г. гонец с вестью добрался до Москвы за 11 дней⁵⁰, сейчас же потребовалось 17–18 дней. Разница в неделю может объясняться разными причинами: проблемами при пересечении территории ханства в условиях неудачи под Казанью, боязнью воевод отсылать гонца в первые дни после разгрома, неторопливостью гонца в доставке печальной вести. Гонец прибыл на Москву 9 июня, и в тот же день великий князь распорядился идти к Казани ратям кн. Василия Даниловича Холмского и других воевод, что стояли в Муроме. Этот резерв мог восполнить потери, понесённые судовой ратью. Брату же своему и другим воеводам Василий III послал грамоту с чётким указанием дожидаться прихода войска кн. Холмского⁵¹. Думается, что гонец с грамотой должен был поспешить и добраться до Казани быстрее, к 21–22 июня. В Муром гонец мог прибыть к 14–15 июня. Путь конных ратей из Мурома к Казани (скорее всего, Полем) занял бы около 15 дней, и кн. Холмский должен был подойти к концу июня – началу июля.

Однако кн. Дмитрий Иванович с воеводами снова нарушили приказ великого князя. 22 июня к ним подошла конная рать кн. Ростовского, и 25 июня было решено снова приступать к Казани. Гонец из Москвы, скорее всего, уже успел к тому времени прибыть под Казань и сообщить приказ Василия III, но его проигнорировали. Несмотря на то, что в этот раз удалось побить многих казанцев, русские полки понесли поражение. Никоновская летопись прямо говорит об их бегстве от Казани. Судовая рать ушла от Казани по воде беспрепятственно. Мухаммед-Эмин направил погоню за более малочисленной ратью во главе с царевичем Джанаем и Фёдором Михайловичем Киселёвым, отступавшими Полем к Мурому. За 40 вёрст до Суры казанцы их нагнали, но были побиты⁵². Поскольку конная рать при движении от Нижнего Новгорода к Казани тратила 12–15 дней, можно предположить, что стычка людей царевича и Ф.М. Киселёва с преследовавшими их казанцами произошла около 1–2 июля.

⁴⁸ Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 680–681.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. Вып. 2. С. 536; Т. 13. Ч. 1. С. 3; Т. 19. С. 28; Т. 24. С. 215.

⁵⁰ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 389.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3.

⁵² Там же. С. 3–4; Т. 24. С. 216.

С. Герберштейн передаёт рассказ о спасшихся из-под Казани пушкарях. Государь принял двух пушкарей милостиво, а одного из них (перекрестившегося в православие итальянца Варфоломея) даже наградил. Третий же пушкарь вернулся с вверенным ему оружием в надежде заслужить «вечную милость», но был встречен упрёками: «Подвергнув себя и меня такой опасности, ты, вероятно, собирался [или бежать или] сдаться врагам вместе с пушкой; к чему это нелепое старание сохранить оружие? Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними». Трудно сказать, случилась ли такая история на самом деле, но опасения попадания в Казань пушкарей были бы вполне правомерны⁵³.

Каковы могли быть реальные потери русских под Казанью? «Казанский летописец», переполненный эмоциональными образами, рисует картину страшного разгрома и сообщает о 93 тыс. погибших («от тое 100 000 остахася 7 000 русских вои»)⁵⁴. Послы Мухаммед-Эмина сообщали литовцам, что «десять тисечей людей его (Василия III. — *И.Б.*) в наших руках померли»⁵⁵. Трудно понять, что конкретно подразумевает выражение «в наших руках». Если гибель военнопленных, почему тогда не указаны боевые потери? Возможно, что выражение нужно понимать не буквально, тогда такие потери выглядят достаточно реалистично с учётом примерной численности войск и картины разгрома. Литовский великий князь Сигизмунд I, в свою очередь, сообщал в 1507 г. ливонскому магистру Плеттенбергу о том, что казанцы сперва наголову разбили 40 тыс., а затем ещё 50 тыс. москвитов⁵⁶. О конкретных потерях не сообщается, а численность разбитого войска сильно преувеличена. Разумеется, Сигизмунд I хотел тем самым убедить магистра в серьёзном ослаблении «московита», дабы склонить Ливонию к военному союзу. Но хотя великий князь литовский ухватился за идею военного союза, воплотить в жизнь её по разным причинам не удалось⁵⁷.

М.Г. Худяков полагал, что выросший на Руси Мухаммед-Эмин был если не русофилом, то, по крайней мере, не желал продолжать войну и дальше разжигать вражду⁵⁸. Однако казанский хан был настроен решительно. После столь громкой победы он направил послов в Крым и в Великое княжество Литовское, надеясь на объединение сил против Москвы. Как сообщал посол от лица хана, Иван III «некоторые начал вчынки чинити», после чего его наследник Василий III послал под Казань войско, «и мы тое войско, с Божью помочью побили»⁵⁹. Великий князь и его бояре также не сидели сложа руки в ожидании нового вторжения, а постарались заручиться если не поддержкой, то хотя бы нейтралитетом соседей, направив посольство к ногайским мурзам. Служилые

⁵³ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 172, примеч. 620.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 19. С. 28.

⁵⁵ Сборник князя Оболенского. Вып. 1. С. 37.

⁵⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЗР). Т. II. СПб., 1848. С. 13–14.

⁵⁷ Сборник князя Оболенского. Вып. 1. С. 43–44; Литовские упоминки татарским ордам. Скрабовая книга метрики литовской 1502–1509. Симферополь, 1898. С. 56; История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. IV. Татарские государства в XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 921–922; АЗР. Т. II. С. 13–14; *Пенской В.В.* Указ. соч. С. 16.

⁵⁸ *Худяков М.Г.* Указ. соч. С. 68.

⁵⁹ Сборник князя Оболенского. Вып. 1. С. 22, 37; Литовские упоминки... С. 55; *Волков В.А.* Указ. соч. С. 53.

татары во главе с Кожухом Карчевым выступили с Москвы 1 сентября 1506 г. Великий князь напомнил о дружественных отношениях между их отцами — Иваном III и Мусой. Он упрекал Мухаммед-Эмина в вероломстве. Василий III увещевал ногаев не помогать хану в случае, если тот попросит у них военной помощи⁶⁰. Послы доехали только до Алчагир-мурзы. Тот не пустил посольство ни к формальному главе ногаев — бию Хасану, ни к Алач-мурзе⁶¹, и отправил послов назад с ответом, хотя и учтивым, но не таким положительным, как рассчитывали в Москве: «А с казанским царем учнешь мириться, усердствовать рад есмь, и тогда в правом братстве будем». Кожух «с товарищи» вернулись на Русь только 4 августа 1507 г.⁶²

В 1507 г. казанский хан, не сумев создать коалицию против Москвы, направил к Василию III посла для переговоров о мире. Мухаммед-Эмину приходилось учитывать большие потери казанцев, а также исходить из осознания того факта, что боевой потенциал Казанского ханства был значительно ниже русского, а войско, как заметил А.И. Филюшкин, не могло решать стратегические задачи — брать и удерживать города, возводить крепости на подступах к территории противника⁶³.

Отступление русских войск от Казани положило конец боевым действиям. Несмотря на большую численность, отработанную стратегию и опыт командования, русские рати потерпели серьёзное поражение. Причины неудачи заключались в неопытности и отсутствии полководческих способностей у главнокомандующего кн. Дмитрия Жилки, излишней самоуверенности и недооценке противника. Отчасти виноват в поражении был и сам великий князь, доверивший командование брату. Не менее важными факторами оказались решительность и высокий боевой дух казанских татар и черемисов и удачно осуществлённая ими военная хитрость.

Сведений о посланной на Каму рати в источниках нет, однако в литературе имеется сообщение об одном из её воевод — Иване Вельяминовиче Зернове Брехе. «Иван Вельяминович Брех был воеводою на Каме в 1505 и в 1506 годах, и утонул в Каме»⁶⁴. Ссылки на источник нет, но можно предполагать, что в нём указано лишь «лето 7014» (почему и датировано воеводство 1505/06 г.). Сравной степенью вероятности нужно учитывать три возможных объяснения: несчастный случай (с самим воеводой), кораблекрушение (по «техническим» причинам) или же утопление во время боя с казанцами. В истории московско-казанских войн известны случаи сравнительно масштабных боёв именно на реке, в судах⁶⁵. Таким образом, можно предположить, что посланная на Каму судовая рать встретила серьёзное сопротивление и понесла значительные потери (о чём говорит гибель одного из воевод).

⁶⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. 1489–1508 гг. М., 1984. С. 55–56.

⁶¹ Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002. С. 143.

⁶² Посольская книга по связям России с Ногайской ордой... С. 57.

⁶³ Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 107–108.

⁶⁴ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. IV. СПб., 1857. С. 76–82.

⁶⁵ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 77.